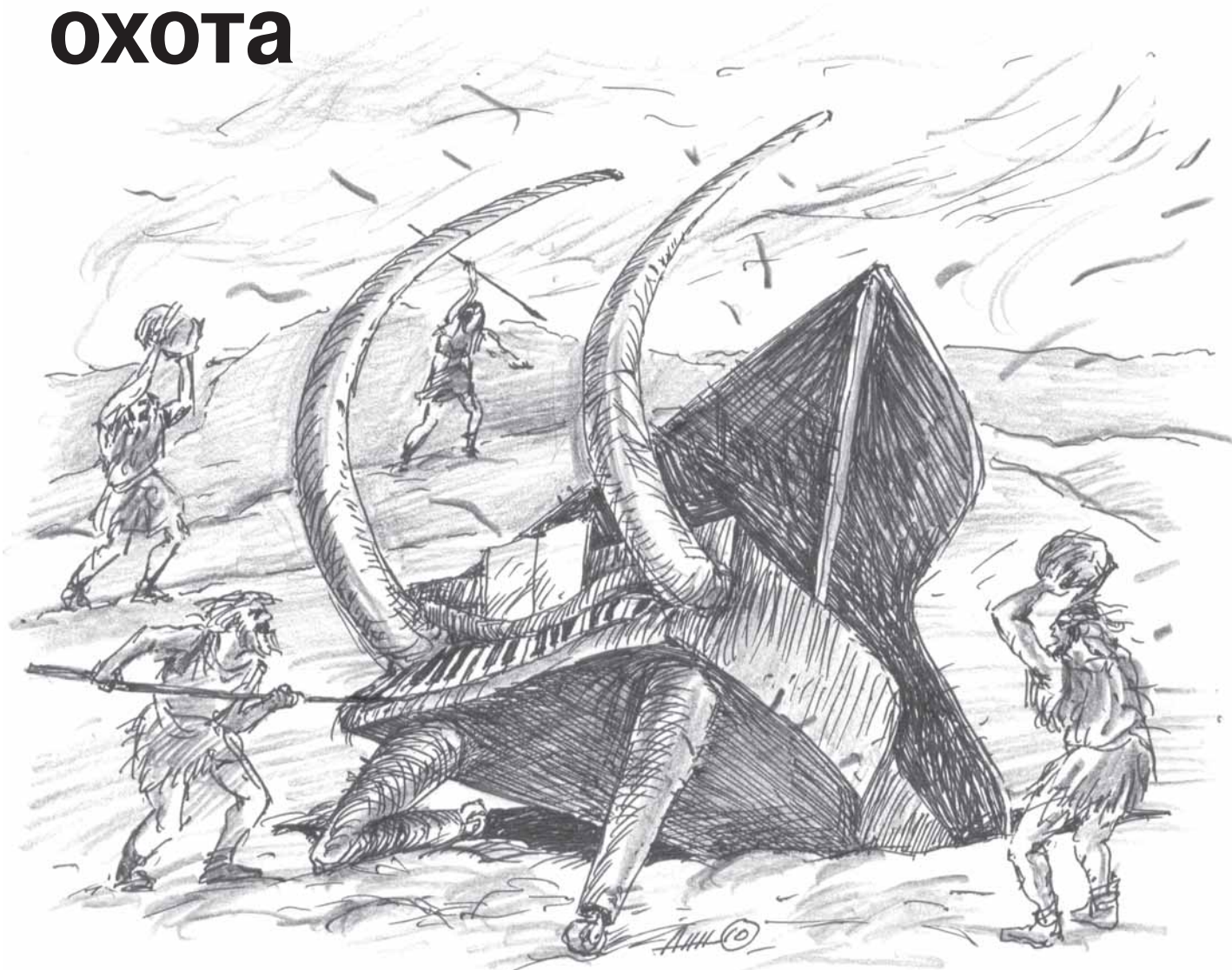

Губернаторская охота

Художник А. Анно

Скрипка была еще жива, когда Свербицкий наткнулся на нее, пробираясь по болоту.

«За мной след в след! И не высовываться, доцент!» — приказал Петрович, как будто не ему платили, а он сам платил за эту прогулку. Ну, ему виднее, здесь, в лесу, он главный, и Свербицкий старательно шагал след в след, пригнувшись, чтобы голова не торчала из зарослей. За спиной почти неслышно шел Серега. Потом Свербицкий потерял из виду обоих, вильнул в сторону и между кочками едва не наступил на скрипку.

Она лежала, наполовину зарывшись грифом в мох. Судя по рваным дырам в верхней деке, ружье, из которого ее сбили, было заряжено по крайней мере на виолончель. А то и на контрабас. Обечайку почти не задело, но подгрифок размочалило в щепки, и из четырех струн уцелела лишь одна — как ни странно, самая тонкая.

Свербицкий присел и осторожно провел пальцем по струне. Раздался негромкий звук, похожий на тоненький скрип. Попытка извлечь скрипку из мха и травы кончилась печально: послышался хруст, гриф отвалился вместе с куском обечайки, струна лопнула с пронзительным звоном.

— Отлеталась! — произнес Петрович над правым ухом. Свербицкий перевернул корпус скрипки и в нижней деке, вместо множества небольших дырок, увидел здоровенную дырищу в середине, чуть ниже талии.

— Метров с трех всадил, влет, — сказал подошедший слева Серега. — Это ж суметь надо: маленькие, они быстро летают. Наверное, из охраны.

— Какой охраны? — не понял Свербицкий.

— Губернаторской, какой еще! — сплюнул Петрович.

— А правда, что у него охрана из бывших бандитов?

— Почему бывших? Бандиты бывшими не бывают, — сказал Серега.

Они замолчали и в наступившей тишине услышали все еще висящий, будто остывающий в воздухе, звук последней струны. Но и он смолк — скрипка умерла. Свербицкий проглотил комок в горле и спросил:

— Сбил — почему не взял?

— А ляд его знает! — Петрович опять сплюнул. — Видно, шел на контрабас, а эта мелочь кому нужна? Идем, что ль, Евгений Антоныч?

— Идем, — вздохнул Свербицкий. Ему слегка польстило это обращение по имени-отчеству вместо обычного «доцент». Он привстал, и в этот момент недалеко от них (полкилометра, не больше) раздались звуки пианино. Играли «собачий вальс». Свербицкий резко распрямился, повернул голову на звук и тут же упал задом в мох: Петрович рванул его за шиворот, рявкнув: «Сидеть!»

Он и не пытался встать — сидел, слушал и морщился. Петрович заговорил примирительным тоном:

— Поймали, гады. Сдается мне, пора нам назад на кордон. Не сыграть тебе нынче, Антоныч. Эти, — он мотнул головой туда, откуда доносились звуки, — его до завтрашнего вечера не отпустят, а то и с собой заберут. А и отпустят, так за день раздолбают.

— Уже раздолбали, — усмехнулся Свербицкий. — Фа-диез сбит на четверть тона, остальное не лучше. Нет, Иван Петрович, я обратно не пойду. Это пианино из двадцатого кабинета.

— Второй этаж, налево от лестницы, — уточнил Петрович. — А ты откуда знаешь?

— По звучанию. В консерватории, помнится, было не одно фортепиано.

— Вот что, доцент, — сумрачно сказал Петрович. — О большом рояле из концертного зала забудь. Даже если и набредем на след, я вас сразу уведу куда подальше. А то, не дай бог, встретим где-нибудь в кустах.

— Байки я слышал, — ответил Свербицкий. — А на самом деле что было?

— Кто знает, что было на самом деле, те уже не рассказывают.

Все замолчали, пианино тоже. Потом снова зазвучало: пять нарастающих по высоте нот, затем резкий деревянный стук и тяжелый гул басовых струн. Следом неразборчивые пьяные выкрики.

— Смерть мышонка, — сказал Серега.

— Что? — не понял Свербицкий.

— Прозвучала пьеса «Смерть мышонка».

— Бог с ним, с большим роялем. Был еще кабинетный, в угловой аудитории.

— Ладно, — кивнул Петрович. — Значит, так. Эти будут колобродить часов до трех, после начальство уснет, а там и охрана расслабится. Тогда поищем. А пока... есть тут у меня схрон на острове, щас идем туда.

До островка, точнее, холма среди болот добрались, почти не измазав сапог. Сушь стояла почти месяц, с середины августа, и Петрович опасался, как бы на схрон не набрели «эти», но обошлось.

Схрон представлял собой то ли землянку с передней стеной из бревен, то ли избушку с земляной крышей, выросшую в косогор. Склон холма в мелком ельнике — и не разглядишь толком. Двери в низком проеме не было, но петли остались, а окон, похоже, не предусматривал проект.

— Я месяц егерем работал, как ее и нашел, — пояснил Петрович. — Кержацкая, наверное. Говорят, они тут жили.

— А может, губернаторские ребята поставили, когда еще на шоссе промышляли? — спросил Серега.

— Не, эти вряд ли. Они не знают, а то б знали.

Петрович шагнул к двери и вдруг остановился, предостерегающе подняв руку: из избушки донесся тоненький писк.

— Что такое? — прислушался Свербицкий.

— Флейта, зараза!

— Ну и что? О флейтах тоже что-то рассказывают?

— А то! — раздраженно отозвался Петрович. — Говорят, ядовитые!

Свербицкий, отстранив Петровича, встал у проема и просвистел несколько нот — начало какой-то мелодии. Флейта ответила. Он снова засвистел... С минуту продолжался этот музыкальный разговор. Затем Свербицкий кивнул Петровичу с Серегой:

— Заходите, не нападет. Только в тот угол не суйтесь...

— Значит, так, огонь не зажигаем. По нужде ходить с оглядкой, курить в рукав, — дал команду Петрович. — Ясно?

Курил, впрочем, один Серега...

В рюкзаке у Петровича оказались два термоса: в одном — гречка с тушенкой, в другом — чай с убойной дозой сахара. Кружки и пластиковые тарелки тут были... Кашу съели молча; флейта время от времени попискивала из угла, заваленного трухлявыми деревяшками, но на нее скоро перестали обращать внимание.

За чаем Свербицкий сказал:

— Не пойму, что они в этом нашли: заповедник, охота на скрипки, контрабасы, тромбоны.

— А что находят в охоте, скажем, на носорога? — хмыкнул Петрович. — Есть их не едят, хотя, наверное, можно было б. Рог, вроде, считают лекарством, но то в Китае. А вот поставить в доме чучело или голову повесить над диваном — на это способен только белый человек.

— Ну, вы сравнили — носорог и музыкальный инструмент!

— У контрабаса, между прочим, шип сантиметров тридцать.

— Шпиль, — поправил Свербицкий.

— Пусть шпиль, — сказал Петрович. — Он этим шпилем — при мне было! — одного москвича чуть насмерть не уделал. Масса-то дай боже!

— Сюда что, и из Москвы охотиться приезжают? — удивился Свербицкий.

— А то! Понимаешь, доцент, вот была консерватория — они и в других городах есть. Стало казино — тоже везде до черта. А вот заповедник, да с такой охотой, это эксклюзив! Ни у кого нет! Причем, заметь, этот эксклюзив временный, потому что белки там или, скажем, зайцы плодятся, а скрипки и флейты — нет.

— Тем более — сволочи! — убежденно сказал Свербицкий.

— А я что, спорю? — согласился Петрович. — Хотя мне,

по большому счету, грех жаловаться. Все мои доходы с заповедника, и правые, и левые.

Помолчали.

— Иван Петрович, — подал голос Свербицкий, — а как все это было? Расскажите.

— Что «все это»?

— Ну, когда инструменты ушли из консерватории.

Сергея в полумраке шевельнулся: то ли хотел что-то сказать, то ли обжегся чаем.

— Не в мою смену было, — сказал Петрович, — а врать не люблю, даже с чужих слов.

Допили чай. Петрович собрал посуду, пошел помыть («не высовывайтесь, я сам»). Когда он скрылся, Серега проговорил:

— Вообще-то это было в мою смену. Только я почти ничего не видел.

— Почему? — спросил Свербицкий.

— Да я не очень-то и смотрел. Ну и обидно было. Дядя Ваня... Иван Петрович то есть, меня устроил на это место, я месяц проработал, а тут — бац! — постановление: консерваторию закрыть, здание передать под казино! Что-то там с договором аренды.

— Знаю, — кивнул Свербицкий.

— Ну, вот и я знал, что завтра все будут вывозить, потому и не больно смотрел. Запер дверь, в вахтерской телик включил... Когда большой рояль начал простенок вышибать, я еще не сразу понял, что это звуки в коридоре, а не в телевизоре. Пока дошло, пока выскочил из вахтерской, все уже снаружи были. Кроме электрогитар: они с собой колонки тащили, запутались в проводах. При мне последними вылетели. Я тогда хотел перед сменой пива купить, но не успел, а сейчас думаю: хорошо, что не успел. Объяснялся бы потом с ментами...

— Затаскали по следователям? — сочувственно спросил Свербицкий.

— Эти — что! Вот психиатры, те прямо забодали! Три месяца держали, пока опять же дядя Ваня меня не вытащил.

— А он как сумел?

— Старые связи. Не всегда же он сторожем работал. Было дело когда-то — учил курсантов в Мозамбике. Откуда, думаете, он про носоро...

Сергея смолк на середине слова, а через несколько секунд появился Петрович с помытой посудой. Убрал ее в рюкзак и вытащил оттуда сверток полиэтиленовой пленки.

— Сергей, завесь дверь, а то задубеем ночью. Хотя и так задубеем, но все же меньше.

Свербицкий проснулся, как и было обещано, от холода. Под плащ-палаткой Петровича ему предлагали место в середине, но он отказался.

Петрович похрапывал, Серега тихонько сопел, в углу под деревяшками попискивала флейта. Светало, слабый свет пробивался сквозь пленку, висевшую в дверном проеме.

Накануне Петрович велел ходить по нужде с оглядкой, но оглядываться было некуда: туман. Торчащий у края болота трухлявый обломок березы, к которому направлялся Свербицкий, сливался с фоном, и отчетливо видны были только черные пятна на стволе, да правее в кустах темнела какая-то неопределенная масса.

Первый луч солнца осветил болото в тот момент, когда Свербицкий застегивал «молнию» на штанах. Вмиг туман стал реже, и темная масса в кустах приобрела четкие очертания большого концертного рояля.

Длинный ряд клавиш с поднятой над ними крышкой по-

ходили на разинутую пасть — Свербицкий сразу же вспомнил все сплетни и байки, ходившие по городу. Вспомнил он и то, что в зале консерватории рояль всегда стоял с опущенной крышкой, и в ночь, когда ушли инструменты, наверняка тоже. Значит, он, рояль, научился открывать крышку самостоятельно уже в лесу? Или он всегда это умел?

— Назад, доцент! — раздался за спиной крик Петровича.

Голова егеря торчала из двери. Свербицкий шагнул назад и упал, споткнувшись о поваленную ольху.

Рояль медленно — ролики с трудом катились по земле — двинулся к нему и остановился в полуметре перед ольхой. Свербицкий поднялся, сел на изгиб поваленного ствола и протянул руки к клавишам. Было неудобно.

— Чуть ближе и правее, — сказал он.

Рояль послушно двинулся к нему.

— Теперь хорошо. — Свербицкий встал, обошел рояль справа, поднял крышку и подпер ее штицем.

— Давай, доцент! Сюда не влезет! — крикнул Петрович.

Не обращая внимания, Свербицкий вернулся к ольхе и снова сел перед роялем. Положил руки на клавиатуру, немного помедлил, затем, чуть повернув голову к слушателям, громко произнес:

— Михаил Огинский. Полонез «Прощание с родиной».

Он не доиграл. Где-то совсем близко раздалась крики, затрещали кусты.

— Ноги, доцент! — Петрович дернул его за плечо.

Свербицкий вскочил, обогнул рояль справа, быстро опустил штиц и крышку, стараясь не стучать. Хотел закрыть клавиши, но в последний момент передумал, ударил рояль ладонью по боку:

— Уходи!

Ударил еще раз, отбил ладонь, но рояль, похоже, понял: повернулся и медленно, постепенно набирая скорость, покатился по болоту, качаясь на кочках, как корабль на волнах, и ломая перед собой кусты...

Убегать было поздно, поэтому спрятались в землянке. Прижались по углам в надежде на то, что люди из губернаторской свиты, напав на след рояля, не станут лазить по ельнику. Так и вышло, но один из двоих, тот, который бежал последним, все-таки заметил схрон.

— Саня, а это что? — крикнул он другому.

— Землянка, — определил тот самый Саня. — А там, похоже, сидит, кто играл.

Он шагнул к двери, вытащил пистолет, и в этот момент пронзительно запищала флейта.

— Дудка! — воскликнул Саня, убирая пистолет. — Нет там никого, кто же к ней полезет!

— Гранату бы ей, — сказал другой.

— Гранату, положим, жалко, а петарда найдется!

Саня вытащил из кармана штанов петарду, обмотанную скотчем (между слоями скотча были густо насованы гвозди — тому, кто окажется рядом, не поздоровится). Потом он достал зажигалку, щелкнул, и в этот момент там, куда указывал рояль, раздался тяжелый удар, и сразу — вопль, почти нечеловеческий. Затем снова удары, крики, гул басовых струн и стрельба. Причем очередями.

— Быстро туда! — скомандовал Саня и уже почти на бегу поджег фитиль и бросил петарду в проем.

Ее поймал Серега, чуть помедлил и швырнул вслед убежавшим. Наверное, он просто хотел выбросить ее наружу, но перестарался: петарда взорвалась в воздухе, метрах в полутора над землей и в полуметре от бритых затылков Сани с напарником.

— На кордон! — крикнул Петрович, и все рванули в сторону кордона.

Свербицкий стоял на балконе и курил.

Вообще-то два года назад он бросил. Когда закрыли консерваторию, пришлось уйти сторожем на автостоянку, и курить он бросил, смешно сказать, еще и ради экономии. Конечно, сторожем он зарабатывал больше, чем доцентом, но, пока существовала консерватория, был приработок от частных уроков, которые брали абитуриенты. Теперь этого дохода нет: абитуриенты платят в других городах другим доцентам.

А события последних дней шли таким густым косяком, что стоило взять паузу, хотя бы в формате перекура.

...Когда прибежали на кордон, Петрович сказал:

— Значит, так. Мы тут сидим с позавчерашнего вечера и все время квасим.

Он вытащил несколько пустых бутылок, пару полных, закуску, какую нашел (а нашлось немного), и они принялись добросовестно маскироваться. Когда до кордона добралась охрана губернатора, никто уже не усомнился, что они здесь пьянствуют не первый день. О чем-то они говорили с охранниками — кажется, о губернаторе, который напал на рояль, или, наоборот, рояль напал на губернатора, а перед этим, сам собой, что-то играл в лесу. («Классика какая-то, забыл, как ее. — Да она ж у Сани на мобиле была! — Ну да, спросишь теперь Саню! Говорил я ему, что доиграется!»)

Или не было этих разговоров? Свербицкий ясно помнил события, случившиеся только до кордона, а еще — с того момента, как проснулся у себя дома, обнаружил возле кровати ополовиненную пачку «Явы» и не удивился этой находке. Находка была очень даже в тему, и не только из-за событий на болоте. Как раз накануне этой прогулки закрылась стоянка, на которой Свербицкий работал сторожем. Зять губернатора, владелец почти всей индустрии развлечений в области, собрался строить на этом месте боулинг, или стриптиз-бар, или, может быть, то и другое вместе. Жизнь сделала полный круг, и даже имя человека, из-за которого Свербицкому снова приходилось менять работу, было то же самое.

Он стоял на балконе второго этажа и курил «Яву». Бабье лето продолжалось, спешить было некуда. За углом проходила улица, не слишком широкая, но оживленная — выезд на Московское шоссе. Днем обе крайние полосы занимали припаркованные машины, для движения оставалась только середина, и транспорт стоял в пробках. Но дважды в день улица пустела: утром, когда кортеж машин следовал от губернаторского загородного дома к областной администрации, и вечером, когда губернатор ехал домой. (Факт, наукой не объясненный, но наблюдаемый повсеместно: чиновники областного уровня, решив строить себе коттеджи, всегда выбирают участки на той окраине города, что смотрит в сторону Москвы.)

На скамейке у подъезда пенсионерки обсуждали пятый день ходящие по городу сплетни о губернаторской охоте: то ли губернатор там оторвал роялю ноги, то ли, наоборот, рояль искалечил губернатору руку, а перед этим еще задавил насмерть двух охранников. («Да нет, один в больнице! — Все равно, врачи говорят — не жилец».)

Подошел молоденький участковый, поздоровался.

— Вы бы, бабушки, нашли другую тему для разговора. А то вон дети рядом играют. Вас наслушаются, а потом в садике друг другу страшилки рассказывают. Вот у меня теперь дочка боится в парк ходить, говорит: рядом лес, а из леса на людей дикие гитары нападают... А скоро праздник — Успенье Богородицы, о нем бы и говорили.

— Много вы, молодые, знаете о православных праздниках! — вскинулась одна из бабок. — Успенье давно прошло, а будет Рождество Богородицы.

— А вы бы рассказали — глядишь, и больше б знали, — сказал участковый, но тут отвлекся: ехавший по улице грузовик, груженный металлаломом, затормозил, прижался к краю и даже влез правыми колесами на газон. Участковый направился выяснять причины безобразия, но, еще не дойдя до газона, все понял: послышался вой сирены, вдали засверкали мигалки. Значит, наступало время проезда губернаторского кортежа.

И точно: шесть машин вихрем пролетели по опустевшей улице: впереди милиция с мигалками, следом машина ох-

раны, затем джип губернатора, за ним еще два — снова охрана. Замыкала колонну вторая милицейская машина.

Кортеж пронесся, и улица снова ожила. Грузовик съехал с газона на асфальт. Когда заднее колесо соскочило с бордюра, железо в кузове грохнуло и загудело, как басовые струны какого-то инструмента. Свербицкий со своего балкона посмотрел туда — в кузове поверх всех железяк лежала чугунная рама рояля с торчащими обрывками струн. И даже показалось, что на той раме — отметины от пуль.

База «Вторчермета» тоже стояла на Московском шоссе.

Свербицкий загасил окурок, прошел с балкона в комнату и посмотрел на свое пианино под чехлом. Он не подходил к нему с той поры, как закрыли консерваторию. Не было желания. Играть потянуло две недели назад, когда сказали, что стоянка тоже закроется. Тогда он и разыскал Петровича, который, по слухам, мог устроить прогулку по губернаторским охотничьим угодьям за вполне божескую цену.

Свербицкий не стал стирать пыль с инструмента, смахнул только с клавиш. Винтовой табурет был засунут куда-то в кладовку, поэтому пришлось сесть на обычный стул. Недолго подумал и заиграл полонез Огинского — с того места, на котором прервался на болоте.

Музыка действует на людей странным, почти мистическим образом. Когда Свербицкий начал играть, кортеж губернатора уже приближался к цели — коттеджному поселку «слуг народа». Оставалось меньше километра: пологий спуск, небольшой поворот влево, потом шоссе по насыпи пересекает овраг, внизу течет ручей, который пропущен в трубу, а за оврагом вправо отходит неширокая, но добротнo уложенная дорога, перекрытая шлагбаумом с охраной.

Передняя милицейская машина шла прямо по осевой линии, и штукovina, валявшаяся на асфальте, осталась от нее справа. А вот машина охраны, шедшая следом, ударила ее правым передним колесом. Штукovina от удара улетела в кювет, ее потом не нашли, никто так и не понял, что это было. А шина спустила сразу, даром что бескамерная. Дорога сворачивала влево, машину потащило вправо, и она начала подрезать губернаторский джип. Его водитель попытался уйти от столкновения на обочину, однако на насыпи обочины практически не было, и джип, снеся ограждение, рухнул в овраг. Водитель той машины, что с пропоротым колесом, увидел это в зеркало и резко затормозил (что нельзя было делать ни в коем случае, но тут сработал рефлекс охранника). Машину развернуло поперек дороги, и, кувыркнувшись пару раз, она тоже скатилась вниз, накрыв джип губернатора.

Шедшие сзади машины тормозили, милиция и бандиты-охранники хватались за все подряд: аптечки, огнетушители, веревки. Водитель встречного молоковоза, матерясь, затормозил: кроме охранников и ментов он был единственным свидетелем аварии, а при таком раскладе недолго попасть и в виновники...

А может, Огинский совсем ни при чем, не он же, в конце концов, подкинул на дорогу эту железяку. Просто совпало по времени. Случайно. В жизни бывают такие совпадения. Еще и не такие бывают.

Свербицкий, разумеется, ничего этого не знал, и вообще ни в какую мистику не верил. Он доиграл полонез до конца, аккуратно закрыл инструмент, поднялся и пошел искать штаны, чтобы идти за куревом, потому что «Ява» кончилась.

